

Рокс
НОКС

18+

THE EMPIRE

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ОБЕСЧЕЩЕННАЯ мужем сестры

Рокси Нокс

Обещанная мужем сестры

<https://litres.ru/74507843>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перевожу взгляд на мужчину, чьи властные руки всё еще прижимают меня к простыням. И воздух застревает в легких.

Передо мной не мой законный супруг.

Это Камиль.

Муж моей сестры.

Крик, дикий и надрывный, зарождается где-то в глубине моей груди, но не успевает сорваться с губ.

Камиль реагирует мгновенно: его широкая ладонь накрывает мой рот, намертво вжимая голову в подушку.

– Молчи! – шипит он, и я чувствую, как его тело бьет крупная дрожь. – Сая, ради Всевышнего, не кричи!

Супруг погиб, муж сестры обесчестил, а сама сестра обросла личными тайнами. Сая придется во всем разобраться. Детективная история от Рокси Нокс!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Рокси Нокс

Обесчещенная мужем сестры

Глава 1

В номере отеля для новобрачных слишком много зеркальных поверхностей. Куда бы я ни бросила взгляд, везде наталкивалась на собственное отражение: напуганная девушка в кружевном белье, которая покорно ждет своего часа стать женщиной.

Ледяной воздух из кондиционера хлещет по обнаженным плечам, заставляя мелкую дрожь пробегать по позвоночнику. Надо бы убавить мощности. Вот сейчас мой муж Динар вернется, и я попрошу его об этом.

Едва мы вошли в номер, Динар сказал, что сходит за напитками и оставил меня одну.

Готовиться.

Его нет уже неприлично долго. Может быть, он тоже волнуется, как и я? Хотя Динар, в отличие от меня, уже взрослый мужчина. Доктор. Чего ему переживать? Практически исключено, что он, дожив до своих тридцати, еще не был с женщиной. Мой отец выбрал его мне в мужья именно за хо-

лодную голову и профессионализм. «Он присмотрит за твоим недугом, Сая», – говорил папа.

Внезапный щелчок – и мир куда-то исчез. Номер утонул в угольной, непроницаемой тьме. Сердце забилося о ребра, колючий ком страха перекрыл дыхание. Тьма стала такой густой, что ее, казалось, можно было коснуться рукой.

Я знаю, что на массивном комодe в паре метров от кровати стоят декоративные свечи, о которых позаботилась моя сестра Диляра, но я не могу сдвинуться с места.

Только не сейчас... Пожалуйста, только не сейчас...

Пытаюсь пошевелить пальцами на правой ноге. И знакомый холод поднимается от щиколоток к коленям, медленно превращая мои ноги в неподвижные восковые палки. Мой личный кошмар – приступ онемения конечностей – выбрал самый неподходящий момент.

Дверной замок негромко лязгает. Динар вернулся!

В комнату не проникло ни единого лучика света – видимо, обесточен был весь этаж.

Слышу шорох шагов мужа по мягкому ворсу ковра. Ближе. Еще ближе. Аромат его парфюма – тяжелый, с нотками мокрой кожи и горького табака – заполняет пространство вокруг меня. Зачем же он так набрызгался перед тем, как лечь со мной в постель? От этого запаха закружилась голова.

– Спишь? – доносится до моих ушей его шепот.

– Нет, – отвечаю я.

Горло сковано спазмом страха. Я боюсь этой ночи. Боюсь

того, что он увидит мою беспомощность. Будет недоволен тем, что я лежала бревном в процессе долга.

Хотя он же врач, он поймет, что от меня это не зависело. Собственно, потому отец и отдал меня Динару, чтобы тот, в случае приступа, смог оказать мне медицинскую помощь, да и вообще присматривал за мной. «Больше тебя никто не возьмет, Саят», - сдвинув брови к переносице, сказал папа.

Кровать застонала под его весом, матрас ощутимо просел. Горячая, почти обжигающая ладонь накрыла мое бедро. От этого контраста температур тело прошила электрическая искра, возвращая крупницы чувствительности.

Пальцы мужа, уверенные и властные, медленно поползли вверх, сминая кружево и оставляя за собой огненный след.

– Почему ты такая холодная? – шепчет он, и я чувствую его горячее дыхание на своей щеке.

И надо же, согреваюсь.

Мне кажется, будто голос Динара звучит странно и чужеродно. Хотя, о чем это я? Мы почти с ним не говорили. И я практически не знаю, как звучит его голос, а в темноте все кошки серы.

Динар начинает ласкать меня с пугающей неспешностью. Его губы находят чувствительную точку за моим ухом, а руки уверенно и властно исследуют изгибы моего оцепеневшего тела.

Сейчас он не был похож на того сдержанного доктора, с которым мы, как чужие, сидели на помолвке.

Муж спускается ниже, и его губы обжигают ключицы. Зубы слегка прихватывают кожу, заставляя меня выгнуться в его руках.

Тело покалывает от его прикосновений, каждая клеточка кричит от возбуждения и страха, в то время как ноги все еще остаются неподвижными. Он не знает. Или делает вид, что не замечает моей неловкости.

Его ладонь скользит по моему животу, заставляя меня судорожно вздохнуть, затем пальцы сжимается в паху, властно и целенаправленно.

Чувствую, как они начинают свою бесстыдную работу, доводя меня до иступления. В этой крошечной тьме, где я не вижу его лица, всё превращается в чистый инстинкт.

Так даже лучше.

Его губы накрывают мои в жадном, собственническом поцелуе, подавляя мой тихий всхлип.

Пытаюсь отвечать, но мой рот занят его губами, а язык — его властным языком.

Он входит в меня внезапно, без предупреждения, и от этого резкого заполнения я чуть не кричу, но звук застревает где-то в груди, превращаясь в глухой стон.

Динар двигается методично, почти механически, и эта ритмичная, неумолимая работа заставляет мое оцепенение постепенно отступать.

Чувствую, как мое тело начинает отвечать ему — невольными судорогами, влажностью, предательским подрагивани-

ем мышц.

Он шепчет что-то на нашем языке – слова, которые я не могу разобрать. Его руки держат меня так крепко, что у меня возникает странная мысль: если он отпустит, я рассыплюсь на части, как неправильно сложенная башня...

Ослепительная вспышка света режет глаза, вырывая меня из дурманящего марева. Веки дрожат, зрачки сужаются, и реальность обрушивается на меня ледяным водопадом.

Перевожу взгляд на мужчину, чьи властные руки всё еще прижимают меня к простыням. И воздух застревает в легких.

Передо мной не мой законный муж.

Это Камиль.

Муж моей сестры.

Крик, дикий и надрывный, зарождается где-то в глубине моей груди, но не успевает сорваться с губ.

Камиль реагирует мгновенно: его широкая ладонь накрывает мой рот, намертво вжимая голову в подушку. Его глаза расширены, на лице застыла маска ярости, которая тут же сменяется ужасом.

– Молчи! – шипит он, и я чувствую, как его тело бьет крупная дрожь. – Сая, ради Всевышнего, не ори!

Он тоже обескуражен. Я вижу это по его прерывистому дыханию, по тому, как он оглядывает комнату, осознавая свою фатальную ошибку.

Он перепутал двери? В этом огромном отеле, в хмельном

угаре свадебного торжества, он зашел не к моей сестре, а в комнату, где я ждала своей первой брачной ночи.

Живот сводит от тошноты. Моя невинность, которую я должна была подарить мужу, теперь превратилась в пятно крови на белой простыне...

За дверью слышны обеспокоенные голоса гостей. Если они войдут, если увидят меня с ним... В нашей семье такое распутство не прощают! Нас обоих ждет страшная смерть!

Ладно, меня. С мужчин взятки гладки. А вот с женщины спросят по полной: почему впустила в постель постороннего? Но я же... Я и подумать не могла, что кто-то, кроме Динара, сюда войдет!

Я бьюсь под Камилем, пытаюсь оттолкнуть его, но мои ноги снова теряют чувствительность. Слезы застилают обзор, я смотрю на Кемалья с ненавистью и мольбой одновременно.

— Где он? — пишу, задыхаясь под его рукой. — Где мой муж?

Что он сделает теперь? Убьет меня, чтобы скрыть позор, или заставит молчать до конца жизни? И главный вопрос, разрывающий мою душу на части: где в этот момент находится человек, которому я теперь никогда не посмею посмотреть в глаза? Где Динар?

Глава 2

Шикарный «Имperiал», который находится в самом сердце турецкой Анталы, принадлежит Камилу Ямадаеву. Он сам предложил нашей семье отпраздновать свадьбу в его отеле, и все, конечно, согласились. Казалось, лучшего места для торжества не найти – воздух здесь пах морем и сладкими цветами, а закаты обещали вечное счастье.

И вот теперь случилось то, что случилось. Рухнули мои надежды на счастливый брак.

– Я не знаю, где твой муж, – шепчет Камиль. – Сейчас я отпущу тебя, но сначала пообещай, что не будешь кричать.

Киваю, не переставая дрожать. Меня охватил такой жуткий озноб, будто я прыгнула в ледяную реку. Ужас, как он есть, в чистом виде.

Губы больше не сдавливают его ладонь, но я всё равно не могу разомкнуть их и сказать хоть слово.

– Произошла ужасная ошибка. Мы должны убрать следы, пока никто не увидел! – голос Камилы срывается на хриплый шёпот.

Он вскакивает с постели, ничем не прикрываясь, и тянет на себя окровавленную простыню. Мое свинцовое тело не отпускает ткань, а пошевелиться я не могу. Приступ очень сильный.

– Ну же, Сая, перекались набок. Быстрее!

– Не могу, – еле выдавливаю из себя, зажимуриваясь изо всех сил. Я не имею право смотреть на обнаженного мужа сестры. Это харам! Грех, от которого кровь стынет в жилах.

– Да что с тобой такое? Очнись! Если нас застукают, это конец. Ты хоть понимаешь, что я говорю?

Он не в курсе моих проблем со здоровьем? Неужели Диляра не растрепала обо мне? Она так любит рассказывать в красках нашим знакомым, какая немощная у нее сестра, и какая она, Диляра, умница и красавица. Идеальная, гордая, неприступная.

Она и замуж вышла за богатейшего мужчину несмотря на то, что все пророчили ей в мужья бородатого горца-бандита. Ее видели несколько раз с этим странным парнем, но отцу Диляры, моему дяде, удалось замять скандал и устроить ей выгодный брак с Камилем. Детей у них пока нет. Может, это знак? Нет, не смей так думать, Сая! Никому ты теперь не нужна, без чести!

Кое-как Камилю удаётся вытащить из-под меня простыню – я даже не чувствую, как ткань выскальзывает из-под онемевших ног. Он комкает её и прячет куда-то, будто улику страшного преступления.

Затем быстро одевается, путаясь в брюках, и идет к выходу. Возле двери он застывает, прислушиваясь. Голоса. Кто-то идет! Сейчас сюда ворвутся разъяренные родственники и всё поймут. Полуголый мужчина в спальне новобрачной – какой дикий скандал! Мне удалось переплюнуть Диляру в

своей распушенности! Я сделала то, что она никогда бы не посмела! За что мне это?

Аллах, пошли мне быструю смерть. Пожалуйста, пусть земля разверзнется и поглотит меня прямо сейчас. Я не переживу такого позора!

Но голоса вдруг стихают, удаляются, а потом и исчезают вовсе... Тишина становится оглушительной, давящей на виски.

Камиль поворачивается ко мне с виноватым взглядом и шепчет едва слышно:

– Извини. Этого не должно было случиться. Прости, ладно?

А потом выходит за дверь. Щелчок – и я остаюсь одна. Совсем одна.

Меня сотрясает крупная дрожь до скрежета зубов. От злости, отчаяния и невыносимой несправедливости мои конечности вдруг наполняются жизнью.

Я шепчу сквозь жгучие слезы, который душат меня: «Извини? Прости? Обесчестил меня и сбежал? А мне что делать? Что делать мне, когда мой муж придет, чтобы исполнить супружеский долг? Что я ему скажу? Почему я не девственница?»

Я даже не успела остыть после другого мужчины! Динар всё поймет! Он же врач, он непременно почувствует. Это будет грандиозный скандал. И пусть мы в другой стране, гости-то все наши, родные. Они вернутся в свои дома и расска-

жут всем, какая Саят Рудзиева развратница, и только прикидывалась болезной тихоней. Прямо в брачную ночь изменила мужу, позорница такая! И с кем? На мужа сестры позарилась!

Я резко встаю и, покачнувшись, с тихим вздохом падаю обратно на кровать. В промежности пульсирует тупая боль, напоминая о пережитом.

Не смей паниковать!

Думать, думать... Что сказать мужу? Как смотреть ему в глаза?

Если я скажу, что Камиль ворвался сюда и силой обесчестил меня, его ждут большие проблемы. Но я не могу оговорить человека. Всё было не так, он ошибся из-за отсутствия электричества, из-за этой проклятой темноты. По этой же причине и я не поняла, что со мной не мой муж. Это наша общая ошибка, и мы должны нести ответственность за это ужасное преступление. Вместе.

Не знаю, сколько я так просидела на постели. Может три минуты, а может, и час.

Приступ кончился, а я сижу, тупо уставившись в стену. Динара по-прежнему нет. И я даже не знаю, радоваться ли мне или начинать за него переживать? Сердце мечется между облегчением и ледяной тревогой.

Может, он споткнулся на пляже, подвернул ногу и не в со-

стоянии самостоятельно дойти до нашего номера? Или тоже перепутал спальню?

Всевышний!

Как же я сразу об этом не подумала?

Что, если мой муж тоже вошел не в ту дверь и сейчас объясняется с кем-то из женщин? Мой благородный доктор не такой, как Камиль, чтобы просто смыться. Что, если Динар стоит перед чужой женой, дрожа от гнева и стыда? Что, если его приняли за прелюбодея и схватили?

Нужно одеться и пройтись по отелю. Но мне страшно. Здесь я как будто бы в безопасности. А за порогом этого номера ждет неизвестность.

Интересно, Камиль добрался до спальни своей жены? Расскажет ли он ей, что произошло? Если он это сделает, тайна перестанет быть тайной. Дилера никогда не умела хранить секреты. Она взорвется, как пороховая бочка, и пепел накроет всех нас.

Нет, он не расскажет. Я чувствую это. Ведь Ямадаев изменил ей, не нарочно, но всё же. Кто признается в измене? Не наши мужчины, это уж точно. Их если за ногу поймать с другой женщиной в постели, они уверенно скажут, что это не их нога. Они будут врать до последнего, глядя в глаза с такой искренностью, что сам шайтан позавидует.

Но что теперь будет со мной?

Не могу же я обманывать мужа! Я не умею лгать. Сестру всегда бесил этот факт, когда она пыталась соврать о чем-то

родне и брала меня в свидетели. Я не могла подтвердить ее слова, за что потом была бита. «Вот ты курица, Саят! Неужели так сложно было сказать, что я была вместе с тобой у реки?! Отец теперь меня накажет!», – кричала Диляра, заматываясь на меня. И сейчас я слышу этот крик так отчетливо, будто он звучит не в прошлом, а в этой проклятой комнате.

Отгоняю воспоминания прочь. Мы теперь взрослые и замужние женщины, и Диляра больше никогда не посмеет поднять на меня руку. Ведь правда?

Хотя, узнав она о том, что я переспала с ее мужем, сестра пришла бы в ярость. Мне бы точно пришлось несладко, а ведь я ни в чем не виновата. Я не лезла к Каму в постель специально!

Всевышний, спаси!

Больше сидеть нельзя, надо выйти и узнать, что случилось с Динаром. Кожей чувствую, что на территории отеля случилось еще что-то нехорошее. Неспроста мой муж бросил меня одну на брачном ложе!

Словно в подтверждение моих предчувствий, в руки мне попадает именно черный платок. Повязываю его на голову. Некогда уже искать другой!

Тенью выскальзываю в коридор, держа взгляд опущенным, и слышу шаги.

Тяжелые. Медленные. Мужские.

И сердце мое проваливается в пятки, потому что я не знаю – спасение это для меня или казнь...

Глава 3

Свет из коридора рисует на полу длинную, темную тень. Но это не Динар. Нет...

– Саят Аскарловна? – звучит низкий и официальный голос.

Я вскидываю голову. Передо мной стоит турок в форме. Фуражка в руках, взгляд тяжелый, пронизывающий. Полицейский. Зачем? Зачем здесь полиция?

Но обратился ко мне второй, незнакомый мужчина, должно быть, переводчик.

– Да, это я, – шепчу, теребя край черного шелкового платка.

– Полиции необходимо задать вам несколько вопросов. По поводу вашего мужа, Динара Бахтияровича, – переводит слова полицейского мужчина в гражданской одежде.

Меня начинает трясти. Пока мы идем в лобби, в голове проносятся сотни вопросов и подозрений.

– Что с ним? Где он? – голос мой предательски срывается.

– Тело вашего супруга найдено в бассейне отеля чуть больше часа назад. Предположительно – несчастный случай. Проводится проверка.

Мир рушится. Пол уходит из-под ног. Слова переводчика врезаются в мозг раскаленным железом: тело. В бассейне. Мой муж, мой благородный доктор Динар утонул.

Открываю рот, чтобы закричать, но вместо крика из горла

вырывается тихий, надрывный хрип.

Они узнают. Всё узнают.

Что этой ночью я была не одна. Что провела ночь в постели с мужем сестры.

Я вдова. И я не чиста.

Диляра узнает. Мать узнает. Отец узнает. Вся родня узнает, что покорная и тихая Саят переспала с мужем своей сестры в ту самую ночь, когда ее собственный супруг тонул в бассейне.

Зачем он туда отправился?

Хотел освежиться перед тем, как лечь со мной в постель? Почему не пошел в душ? Столько вопросов!

– Саят Аскарровна, – напоминают о себе должностные лица. – Вы слышите меня? Где вы были прошлой ночью?

Полицейский смотрит на меня в упор, и я чувствую, как его взгляд прожигает кожу. Он ждет ответа. Уж не думает ли он, что Динар покончил собой из-за меня?

Я должна рыдать. Должна рвать на себе волосы. Должна упасть в обморок от горя.

Но вместо этого чувствую, как внутри поднимается тошнотворная, стыдная волна облегчения.

Я вдова. А значит никто не посмеет спросить меня о моей невинности. Никто больше не поведет меня к врачу перед свадьбой, потому что отец не найдет второго такого же, как Динар. Вдов у нас берут в жены крайне редко. А с моим заболеванием у меня и вовсе нет шансов построить семью. Я

останусь одна.

Муж погиб трагически, и теперь я могу носить траур столько, сколько захочу. Могу надеть черный платок, опустить глаза и молчать хоть до конца жизни. Никто, никогда и ни за что не узнает, что этой ночью я лежала в объятиях Камиля.

Это отвратительно. Я понимаю это каждой частичкой своей души. Динар умер – а я думаю о своем спасении. Всевышний, прости меня! Я чудовище. Но я не хочу, чтобы меня забили камнями! Не хочу, чтобы сестра плевала мне в лицо! Не хочу, чтобы мать отреклась от меня!

Утонувшего мужа мне ужасно жаль. Честно...

Сжимаю руками черный платок так, что ткань трещит под пальцами. Жаль до слез, до дрожи в коленях. Динар – хороший человек. Добрый. Он никогда бы не ударил меня, не повысил голос и не посмотрел бы косо. Отец говорил, что он лечил бедных и детей бесплатно. И теперь его нет...

Но его смерть – это мой единственный шанс уйти от позора!

– Я была в своем номере и никуда не выходила, – говорю твердо. – Всю ночь ждала мужа. Но он не пришел.

Полицейский делает пометку в блокноте, и скрип ручки отдается эхом в моих ушах.

– Хорошо, мы проверим. Записи с камер наблюдения уже запрошены.

Я замираю. Сердце пропускает удар и проваливается в ле-

дьяную бездну живота.

Камеры. Вдруг на записях видно, как из номера для новобрачных вышел Камиль?!

Я пропала!

Внезапно в коридоре раздаются шаги, торопливые, цокающие каблучки. Я знаю, кто идет и даже инстинктивно становлюсь меньше ростом.

Диляра. Сестра всегда ходила так – уверенно, громко, похозяйски.

Она в широком льняном платье молочного цвета. Длинные, густые волосы – наша гордость, наша общая черта – струятся по плечам тяжелой черной волной.

Как современная женщина, она не покрывает голову. Потому что Камиль разрешает ей одеваться так, как она хочет. А отец ей больше не указ. Она свободна. Она богата. Она счастлива. А я – жалкая тень в черном платке, вдова, которая боится собственной тени.

– Сая! – кричит сестра, и ее голос срывается на визг. – Это правда? Динар утонул?!

Она бросается ко мне и хватается за мои руки. Ее пальцы холодные, дрожащие. Диля будто бы искренне переживает за меня. В глазах ее стоят слезы.

Диляра хорошая сестра, когда не злится. Когда ей ничего не нужно от меня, когда я не перечу ей, когда я молчу и слушаюсь. А сейчас ей нечего злиться, потому что она ничего не знает.

Но если камеры покажут, что из моего номера ночью выходил Камиль – все рухнет. Она разорвет меня голыми руками. Я знаю, на что она способна.

Полицейский смотрит на нас двоих. Препарирует взглядом каждое движение, каждую тень эмоции на наших лицах, как будто мы две подозреваемые.

– Диляра Ямадаева? Вы жена владельца отеля? – обращается к ней через переводчика силовик.

Она поднимает на него надменное и строгое лицо.

– Да. А что? Камиль здесь ни при чем! Мы оба спали. Этот ужас случился не с нами. И не смейте подозревать моего мужа!

– Я и не утверждаю обратного, – спокойно отвечает полицейский. – А вы не видели вашего зятя прошлой ночью? Не говорили с ним?

Диляра замирает. Ее рука, сжимающая мою, на мгновение становится каменной. Ее лицо на секунду теряет краски, а затем снова становится маской высокомерия.

Почему она так напряглась? И о чем ей говорить с Динаром? Почему полицейского интересует этот вопрос?

– Естественно, нет, – отвечает Диляра четко. – После торжества я спала. Ничего не видела и не слышала. Муж был рядом, если хотите знать. А теперь оставьте нас. Сестре нужно побыть одной.

Она знает, что Камиля не было, но покрывает его. Наверное, она очень любит его. И я должна сделать всё, чтобы сест-

ра никогда не узнала об этой случайной измене.

Полицейский медленно закрывает блокнот. Он переводит взгляд с меня на Диляру, и я вижу, как его челюсть сжимается. В чем дело? Неужели смерть Динара не несчастный случай, и они будут расследовать это дело?

– Я все сказала, – отрезает Диляра. – Оставьте нас в покое. Сестре нужно побыть одной. У нее горе. Вы что, не видите? Пойдем, Саят, тебе нужно отдохнуть... Бедная моя, несчастная сестрица...

Но едва мы заходим в номер для новобрачных, настроение Диляры стремительно меняется. Он толкает меня к стене и цедит:

– А теперь посмотри мне в глаза и Расскажи всю правду, шлюшка!

Глава 4

Но как? Как она узнала? Неужели Камиль ей во всем признался?

Если он рассказал – я труп. Если он вообще раскрыл рот – мы оба в могиле. Диляра стоит передо мной, сложив руки на груди и ждет ответа.

– Какую правду? – спрашиваю, обмирая от страха.

– Не прикидывайся дурочкой, – сестра усмехается, растягивая губы в тонкую, жестокую линию. – Твоя брачная ночь закончилась утоплением мужа. Что ты сделала, что Динар решил покончить с собой? Неужели оказалась не девственницей?

Она толкает меня в бок – легонько, почти игриво, но в этом жесте столько презрения, что меня передергивает. Она смеется надо мной. Она унижает меня в день смерти моего мужа.

– У нас ничего не было, – отвечаю поспешно, чтобы отсечь ее намеки.

– В смысле? – Диляра прищуривается, склонив голову набок.

– Динар оставил меня одну... Готовиться, – шумно сглазываю. – Он так и не пришел ко мне. А потом выключили свет и...

Здесь я замолкаю, уставившись на сестру. Знает она или

нет? Если нет, то почему назвала меня шлюшкой? Неужели действительно думает, что я спала с кем-то до свадьбы или просто дразнит?

– И что? – Диляра сканирует меня взглядом.

– Ничего. Я уснула. Наверное...

– Ничего не понимаю, – хмурится она. – Почему твой муж так поступил? Пошел купаться на ночь глядя.

– Я и сама не знаю. Думаешь, это не несчастный случай?

– Откуда мне знать? – Диляра ведет плечом. – Нас с Камилем эта ситуация не касается, это уж точно. Точнее, мужу выйдет боком празднование свадьбы родственников в его отеле. Из-за утопленника теперь сюда никто не захочет ехать!

– Утопленник? – поражаюсь ее цинизму, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. – Динар мой муж...

– Значит, твой муж не успел сделать свое дело, и ты теперь вдова-девственница? – усмехается сестра. В её глазах мелькает что-то похожее на злорадство.

– Получается так, – отвожу взгляд, краснея. Но не потому, что стесняюсь своего нового «титула», а потому что посмотрела на смятую постель и вспомнила в деталях, что произошло ночью. Под одеялом отсутствует простыня, подушка лежит криво, а чуть горьковатый запах Камиля всё ещё витает в воздухе, но Диляра, к счастью, его не чувствует. Иначе разнесла бы тут всё.

Я всё еще не могу поверить, что приняла Камиля за мужа

и отдалась ему. И все, что происходило ночью превзошло все мои ожидания... И от этого ужасно стыдно!

– Сочувствую, – говорит сестра, выдавливая из себя грусть.

Он нервничает. Вижу это по тому, как бегают по номеру ее глаза. Она оглядывает каждую поверхность, каждую полку, будто что-то потеряла.

– Ты что-то ищешь?

– Скажи, Динар не оставлял здесь никакие бумаги?

– Нет. Впервые слышу.

– Ясно. Слушай, Сая, спустись в лобби и посмотри, как там обстановка, ладно?

То говорила, что мне нужно отдохнуть, то теперь выпроваживает. Чтобы обыскать номер? Какие у нее дела с Динаром? Ведь не расскажет ничего! Но чувствую, Диляре есть что скрывать.

– Я хотела бы остаться здесь.

– А я говорю иди! Почему ты такая упрямая, сестра? Сейчас не время для этого, – она повышает голос, и в нём звенит сталь, знакомая мне с детства.

Спорить с ней бесполезно, как никак она тут почти хозяйка, поэтому я молча выхожу из номера для новобрачных.

В лобби сталкиваюсь с Камилем и, опустив взгляд в пол, пытаюсь прошмыгнуть мимо, но он хватает меня за локоть:

– Сая, подожди!

Я вздрагиваю. Камиль сжимает мою руку так крепко, что

я чувствую обручальное кольцо на его пальце.

– Что происходит? – у него растерянный вид.

– Не знаю. Отпусти.

– Ты никому не сказала? – шепчет, приближая ко мне лицо.

– Нет. Прошу, дай мне пройти, – нервничаю.

Смотреть зятю в глаза не хватает смелости, поэтому я разглядываю его начищенные летние туфли. Они блестят так ярко, будто он только что вышел из обувного магазина.

– Мы должны встретиться и поговорить там, где нас никто не услышит, – отпускает он наконец мой локоть, и я отхожу от него на пару шагов.

– Нет-нет, я не могу.

– Это важно! Касается ночного происшествия. Приходит сегодня в десять вечера в зал для анимации. Я буду ждать тебя.

– Нет, Кам, нас увидят. Плохо будет обоим.

– Сая, не дури. Приходи обязательно.

Увидев в конце коридора отца, поспешно отхожу от Ямадаева. Сердце колотится так, что кажется, его слышно на весь этаж.

– Дочка! – отец подходит ко мне и кладет руку на плечо. – Ты уже траур по мужу надела? Видит Всевышний, я сделал все, что мог для тебя.

– На всё воля Аллаха, отец, – отвечаю смиренно, потому что ничто иного папе не скажешь.

– Говорят, несчастный случай. Ногу Динара засосало в слив, и он захлебнулся. Работала система очистки бассейна. Поэтому ночью купаться в нем запрещено. А он полез, за чем-то... Доктор же, – отец с недоумением качает головой.

– Что теперь будет, папа?

– Поедешь домой. Как только полиция уберется отсюда, уедем вместе.

– Они задают вопросы.

– Не отвечай ничего. Имеешь право. У тебя траур! Остаться без мужа в брачную ночь... это же надо как не повезло моей маленькой Саят! Держись рядом с Дилярой. Она знает, что делать.

Она всегда всё знает. А я, по мнению родни, нуждаюсь в постоянной опеке. Я даже в магазин одна выйти не могу, без сопровождения. Вся жизнь под конвоем. И вот теперь я возвращаюсь в дом отца, в котором буду жить до конца своих дней.

Незавидная у меня судьба. Своих детей никогда не будет, значит, буду заниматься чужими. Сначала племянниками, потом их детьми, так и состарюсь. И единственным приключением, единственной тайной моей станет запретная ночь с мужем сестры.

Полиция оставалась в отеле до самого вечера. Они опрашивали гостей, но меня больше не трогали. Я сидела в углу, вжавшись в кресло, и смотрела, как серые тени скользят по стенам.

Чем ближе время приближалось к десяти, тем сильнее я нервничала. Я не хотела идти к Камиллю. Я ужасно боялась. Но он прав, нам нужен разговор. Видимо, после его стремительного побега разыграла совесть, и он хочет обсудить, как нам дальше себя вести.

Надев всё черное, я выхожу в ночь. Крадучись, спускаюсь в уличный зал для анимации. Сегодня здесь тихо. Ни музыки, ни смеха, только цикады стрекочут в темноте.

Толкаю дверь и замираю на пороге.

Сильная рука затаскивает меня внутрь, и я ахаю. Но, учув-
яв запах одеколona Камилля, успокаиваюсь.

– Поговорим?

Мы стоим в темноте, почти вплотную друг к другу, и я слышу, как колотится его сердце. Шумное горячее дыхание вырывается из его груди, смешиваясь с моим. Воздух в зале наэлектризован, и я чувствую жар его тела сквозь тонкую ткань платья.

– Дилляра знает? – спрашиваю я.

– Нет. Конечно же, нет.

– А камеры?

– Записи я уже затер. Никто не увидит, как я выходил из номера.

– Может, включим свет? Мне не по себе, – обнимаю себя за плечи и случайно задеваю локтем его грудь.

Мне не по себе от его близости, которая сбивает с толку. Мы словно любовники встретились во тьме. Но это, конеч-

но же, не так. Я хотела света, чтобы вернуться в реальность. Не фантазировать о волнующем приключении, а видеть лицо запретного мужа сестры. Чётко, ясно, без иллюзий.

Отец не в курсе, что я читала романы, которые он назвал бы срамными. Много романов. А что еще осталось девочке, которую все считали больной и отстраняли от домашней работы? Мечтать. О любви, о страсти, о властном, красивом и сильном мужчине, который мне никогда не достанется. Настоящим героям предназначены трепетные и нежные героини, которые не впадают внезапно в ступор.

– Нет, не включим. Нас могут увидеть. А тебе это ни к чему.

Мне? Он беспокоится за меня, а не за себя?

– Скажи, Саят, как так вышло, что Динар покинул тебя в брачную ночь?

– Он ушел за напитками.

Мне хочется спросить, как так вышло, что Камиль перепутал номера в собственном же отеле, но не могу. Я слишком стесняюсь его. Слова застревают в горле, как рыбы кости.

– Думаю, у него была встреча с кем-то, – говорит он задумчиво.

– С кем?

– Это мне предстоит узнать. Сая, послушай... ты должна сказать матери, теткам или сестре, что Динар успел сделать тебя женщиной. Если будут последствия... Ты понимаешь, о чем я? – его пальцы ложатся мне на плечо, и у меня снова

сбивается дыхание.

Как же я боюсь, что у меня вспыхнут чувства к Камиллю! Я бы никогда в жизни не посмотрела на мужа сестры, если бы не эта ночь. Никогда бы!

– Но я сказала Дияре, что... Она подшучивала надо мной, что Динар утопился из-за того, что я не девственница, и я...

– Ты сказала, что все еще невинна, – заканчивает он за меня. – Проклятье! А если ты залетишь?

Мысль об этом вызывает дрожь во всем теле. Зачем я только соврала сестре? Я растерялась и впервые в жизни смогла произнести ложь. Точнее полуправду. Ведь с Динаром у меня действительно не было близости. И теперь не разубедить ее обратно!

Я прикусываю губу до крови, почувствовав солёный привкус.

– Ладно, не дрожи. Будем решать проблемы по мере их поступления, – заключает Кам, вдруг прижимая меня к себе. И я захлебываюсь от накативших эмоций, и тут же ругаю себя за излишнюю эмоциональность. Я не должна стоять в темноте в объятиях мужа сестры!

– Дай мне уйти, Камиль. Нам нельзя видеться.

– Ничего такого, Сая... Я просто хочу тебя успокоить. Тебя всю трясет.

Из-за тебя.

Но вслух говорю:

– Мы должны забыть о том, что было. Возвращайся к жене и больше никогда ко мне не подходи...

Глава 5

– Это что, я тебя спрашиваю?! – Диляра потрясает перед моим носом спрятанной Камом находкой. – Это ведь свадебная простыня! И когда же ты научилась лгать, Саят?

Сестра рылась в моих вещах в поисках каких-то документов, но вместо этого наткнулась на то, что я хотела скрыть любой ценой.

– Я не лгала тебе.

Признаться в том, что у меня был секс с Динаром? Невозможно. И не просите! Внутри всё переворачивается от одной мысли. Ведь его тело сейчас лежит в холодном морге, и цинично лгать об этом – значит осквернить и его память, и себя.

– Да-а?! – Диляра вскидывает бровь, и в её голосе сквозит ядовитая насмешка. – А это тогда что?

– У меня начался цикл, – стараюсь отвечать спокойно, хотя внутри все ходуном ходит от страха разоблачения. Диля смотрит на меня так, будто уже подозревает в связи со своим мужем, и от этого взгляда у меня на коже мурашки появляются. – Я испугалась и спрятала простыню. Мне неловко, если кто-то увидит, даже если это будет простая горничная. Я хотела потом застирать пятно.

– Вечно у тебя какие-то проблемы! – Диляра брезгливо откидывает находку. – И почему я не удивлена? Могла бы и

ко мне обратиться, я знаю, как отстрочить месячные. Правда, это небезопасно...

– Всё нормально. Зачем теперь? Мужа-то нет...

– И не будет! Ты не создана для того, чтобы быть с мужчиной. Твой удел, читать любовные романчики и вздыхать о таких классных мужиках, как мой муж.

– Перестань...

– А я уж думала, ты решила водить меня за нос. Но что-то ты скрываешь от меня, сестренка. Чуйка у меня, понимаешь?

– Я просто в шоке. И хочу домой, – добавляю жалобно. – Пожалуйста, не мучай меня своими подозрениями.

Диляра хмыкает, подходит к окну и распахивает занавеску. Некоторое время оглядывает двор, как королева свои владения. Затем, не поворачиваясь, говорит:

– Камиль разрешил гостям остаться в нашем отеле до конца недели. Он хочет сгладить неприятный осадок и развлечь гостей. Так что придётся терпеть.

– Меньше всего на свете мне хочется развлекаться, – стону я. – Как можно веселиться, когда...

– Не хочется, тогда сиди тут, – перебивает сестрица с раздражением. – Оплакивай своего доктора. И вообще, делай, что хочешь.

– Он был хороший человек, – вздыхаю я, посмотрев на буфетерку – единственное, что от него осталось.

– Ты так в этом уверена, – хмыкает Диля в ответ.

– Ты хорошо знала моего мужа? – вскидываю на нее взгляд.

– На что ты намекаешь? – выдыхает возмущенно, и её щеки вспыхивают румянцем. – Думаешь, я с ним... Ты в своём уме, Саят?

– Ни на что я не намекаю. Просто ты искала документы, вот я и подумала...

– Ничего я не искала, ясно? – чеканит она, сверля меня взглядом. – Никому ни слова. Забудь.

Диляра покидает номер, а я даю себе слово, что не выйду отсюда, пока отец не придет за мной, чтобы ехать в аэропорт.

За окном – пальмы, солнце и бескрайнее море, которое плещется в ленивой синеве. Как бы я чувствовала себя сейчас, если бы Динар не погиб? Наслаждалась бы семейным счастьем, вдыхая солёный воздух рядом с ним? Или всё равно была бы одна, с тревогой в душе?

Мне показалось, что Диляра намекнула на что-то грязное. Что мой муж был не таким уж хорошим человеком, каким его рисовал отец. И всё-таки, что их связывало? Какую тайну пытается скрыть сестра?

Горничная приносит в номер роскошную корзину фруктов, перевязанную атласной лентой. Ананасы, виноград, персики – всё блестит, будто с картинки.

– Это для вас, – говорит она с лёгким акцентом и ставит корзину на столик.

– Кто просил передать? – сердце начинает учащенно бить-

ся, и ладони мои становятся влажными.

– Я не знаю. Мне сказали принести и всё, – разводит руками турчанка. – Господин из администрации распорядился. – Ладно. Спасибо.

Внутри белая открытка с текстом: «Это самое малое, что я могу для тебя сделать».

Камиль.

Это он прислал. Кто же еще?

Только вот зачем? А если бы Диляра сейчас стояла рядом? Ему так нравится ходить по лезвию ножа, дразнить судьбу? Что ж... Мне – нет. Я хочу поскорее забыть о том, что произошло. Вычеркнуть из памяти запретную, позорную ночь с харамом. Только он почему-то не желает этому способствовать, идя со мной на контакт.

Кам чувствует вину, ведь он обесчестил меня.

Но вину перед женой он почему-то не ощущает...

Я все-таки вышла из заточения и наблюдала за ними издали в ресторане, спрятавшись за колонной. Они держатся рядом, но словно чужие. Какая кошка между ними проскочила? Диля будет полной дурой, если упустит такого мужа, как Ямадаев.

Загорелый, темноволосый, с карими глазами, в которых таится опасный огонь. У него спортивное, мускулистое тело, и одежда сидит на нём безупречно – белая рубашка обтягивает плечи, часы на запястье блестят в свете ламп.

Что, если он шел не к жене, а к другой женщине, и поэтому

ошибся дверью? Неужели Камиль изменяет супруге?

Он пришел ко мне с влажными волосами. Если бы он принял душ в своих апартаментах, то не заблудился.

А что, если Кам был в бассейне с Динаром?

Страшная мысль прошибает моё тело током, заставляя сердце замереть на мгновение. Он убил его, а потом взял меня, как трофей. Но за что? За что Камиль мог убить Динара?

Ловлю взгляд Ямадаева – он смотрит на меня с лёгкой усмешкой, и я спешно отворачиваюсь, чувствуя, как щёки заливают жаром. Мне кажется, у меня на лице написано, что я считаю зятя убийцей. Но не могу перестать об этом думать, складывая паззлы в голове.

Камиль сам предложил справить свадьбу у него в отеле, чтобы было проще добраться до Динара. Это тщательно спланированное преступление, а не случайность. Диляра на стороне мужа и готова его прикрывать. Ищет какие-то документы. Компромат?

Голова идет кругом...

– Дочка. Как ты? – ко мне за столик подсаживается отец с огромной тарелкой, полной еды. Папа всегда любил вкусно и много поесть и, конечно, не смог отказать себе в удовольствии выпотрошить шведский стол. На овальной тарелке горой лежат креветки, мясо, сыры и овощи.

– Хорошо, отец, – отвечаю я, даже не пытаясь улыбнуться.

– Не могу видеть, как ты мучаешься. Завтра же возвращаешься домой. Хватит с тебя этой Турции.

– Я? Одна? – сердце пропускает удар. – А вы?

– Мы с мамой пока останемся, – он откусывает кусок мяса и жуёт с удовольствием. – Камиль любезно предоставил отель к нашим услугам. Когда еще отдохнем в Турции, если не сейчас, правда?

Такое ощущение, что всем, кроме меня, наплевать, что в отеле погиб человек. Но, с другой стороны, не оплакивать же папе едва знакомого мужчину, которого он нашел в мужья для своей дочери. Я и сама-то не плачу.

– Конечно, отец, – соглашаюсь покорно.

– Камиль полетит с тобой, – добавляет он буднично.

– Ч-что? – рот мгновенно пересыхает, и я тянусь к ледяному лимонаду. – Диляра тоже?

– Нет, он один по делам едет. Диляра останется в отеле, присмотреть за персоналом. Она у нас женщина с деловой хваткой. Я говорю: «Ты, Камиль, следи внимательно за женой, а то она приберет к рукам твой бизнес».

Обеспокоенная предстоящей поездкой, я никак не реагирую на шутку отца.

– То есть мы полетим вдвоём? – уточняю осторожно, чувствуя, как внутри закипает паника.

– Ну да. А что такого? – папа удивленно вскидывает брови. – Камиль – свой человек, из нашей семьи. Надёжный, знающий. Он присмотрит за тобой, пока будет на родине. Остаться здесь дальше тебе не стоит – только себя изводить.

– Как скажете, отец, – выдавливаю из себя, хотя внутри всё кричит и протестует.

Папа кивает и принимается уминать свой ужин. А я сижу с горящими щеками и представляю этот полет. Кресло самолёта, где мы с Камом будем по соседству. Его руки на подлокотниках. Его запах. Его голос. Не-е-ет!

Всевышний, за что?!

Почему, когда я решила всё забыть, все вокруг будто сговорившись делают так, чтобы Кам бы рядом? Я не хочу лететь с ним – это будет пытка, но не посмею перечить отцу. Если он решил, то решил. Спорить бесполезно. Остаётся только сжать кулаки под столом и молиться, чтобы этот полёт не стал моим личным адом...

Глава 6

Отсюда, с высоты птичьего полёта, Турция кажется такой маленькой. Я сижу в кресле бизнес-класса и ерзаю, как на иголках.

Камиль находится по соседству, и он воплощение спокойной уверенности и дорогой элегантности. Его тёмный костюм, идеально скроенный специально по его фигуре, облегает мощные плечи. Ни намёка на складку.

– Сая, ты чего-то хочешь? – его голос, низкий и бархатный, резонирует в тишине салона, вырывая меня из тягостных раздумий.

Я снова задумалась, не расслышав предложения о напитке – видимо, мне опять показалось, что он что-то имел в виду, кроме простого предложения воды.

Щёки заливает краска, и я почему-то чувствую себя полной дурой.

– Хочешь ещё лимонада? Я могу попросить стюардессу.

– Нет, спасибо, не надо, – бормочу, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Смотреть на Камиля – пытка. Каждый его жест, каждое слово – всё это кажется мне частью какой-то сложной игры, в которой я заведомо проиграла.

Его глаза, глубокие и пронзительные, следят за мной, и в них мелькает лёгкая усмешка. Камиль словно знает мои

страхи и наслаждается моим замешательством: «Я тебя вижу, Сая. Я знаю, о чём ты думаешь, и мне это нравится».

Когда он протягивает мне стакан с ледяным лимонадом, его рука случайно касается моей. Мимолётное, едва уловимое касание. Но для меня оно как прикосновение раскалённого железа.

Вздрагиваю, словно от удара током, и отдёргиваю руку, как от огня. Он, кажется, этого замечает. Его взгляд, карий, глубокий, словно манящий омут, задерживается на мне на долю секунды дольше, чем положено. В этот момент я готова провалиться сквозь иллюминатор и исчезнуть в белоснежных облаках, лишь бы не чувствовать его испытующий взгляд на себе.

– Ты боишься летать? – спрашивает Кам вежливо.

– Это мой второй полет.

– И как прошёл первый? – кажется, будто ему действительно это интересно.

– Мне не было страшно.

– Помню, как я выбрался с нашей родины впервые. Всё казалось таким... захватывающим, – его взгляд на секунду становится мечтательным, почти юношеским.

Чувствую, как меня охватывает ледяной озноб, несмотря на комфортную температуру в салоне.

Он красив, это нельзя отрицать. От него исходит аура силы и уверенности, которая затягивает, как водоворот. Наверное, сестра влюбилась в него с первого взгляда до бабочек

в животе.

– А теперь все стало пресным, – вдруг сообщает Ямадаев.

– Зачем ты летишь домой? – задаю немного бестактный вопрос.

– Отец чувствует себя неважно. Говорит, что ему недолго осталось.

– Мне жаль.

– Ему уже за восемьдесят.

– Так мало...

– Не мало, – усмехается Кам. – Кто-то вон даже не доживает до сорока.

Имеет в виду Динара, моего мужа.

– Динару наверняка кто-то помог уйти, – брякаю, не подумав.

– Ты что-то знаешь? – Камиль сканирует меня взглядом. Вдруг, он решит, что я подозреваю его? А я ведь подозреваю! Лучше уж мне вообще молчать. Разговорила, глупая! Пока молчу, я в безопасности.

– Нет, не знаю ничего, – отрицательно мотаю головой. – Только Диляра заходила, искала какие-то документы.

Кажется, мое замечание не произвело на него впечатления.

– Она обследовалась в его клинике. Ничего интересного. Просто твоя сестра не может иметь детей, – говорит он чуть ли не равнодушно.

Не может или не хочет?

Помню, как Диля говорила своим подругам, что не собирается рожать целую футбольную команду, и одного сына для будущего мужа будет достаточно. И то, если ей обеспечат комфортную и безбедную жизнь.

– Мне жаль, – повторяю, как попугай. Хотя Камиль не выглядит расстроенным.

– Оставь это, – морщится он.

Всевышний, как же я хочу забыть случайную ночь, хочу вычеркнуть Кама из своей жизни, стереть все воспоминания! Но он, кажется, не собирается давать мне такую возможность. Он здесь, рядом, дышит тем же воздухом, говорит со мной на личные темы, и я не могу, просто не могу от него скрыться. А до дома еще добираться порядком далеко.

Самолёт наконец касается взлётной полосы, и я выдыхаю с таким облегчением, будто всю дорогу не дышала. Хотя, по правде говоря, именно так оно и было.

Выхожу из салона первой, не дожидаясь, пока Камиль заберёт вещи. Мне нужно проветрить голову, избавиться от навязчивости, от запаха зятя и его присутствия.

Но в зале прилёта замираю. Сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться где-то в горле.

Знакомое лицо.

Точно, я не ошибаюсь – у меня всегда была отличная память на лица, даже если видела человека лишь мельком.

Этот мужчина стоит у выхода, лениво прислонившись к колонне. Коренастый, с грубыми чертами лица, длинным белым шрамом на брови и тяжёлым взглядом. На нём кожаная куртка, несмотря на духоту, и он явно кого-то ждёт.

Я видела его лишь однажды, несколько лет назад, когда случайно застала Диляру на заднем дворе нашего старого дома. Она тогда целовалась с ним, прижимаясь к стене, а когда заметила меня – отдёрнулась, побледнела и прижала палец к губам. «Никому ни слова, Саят. Это наш секрет». Я не знала его имени, но лицо запомнила навсегда. Уж больно оно примечательное.

И что он здесь делает? В аэропорту нашего города, в тот же день и час? Может, стоит и ждёт кого-то с этого рейса? Внутри неприятно холодеет.

Отворачиваюсь, делая вид, что поправляю сумку. Не хочу, чтобы он меня заметил. Хотя не факт, конечно, что мужчина меня запомнил. Ведь прошло уже столько времени.

Отхожу подальше, нельзя, чтобы Камиль заметил, что я рассматриваю мужчину. У нас так не принято.

Кам подходит ко мне, лёгкой, уверенной походкой, и я чувствую, как его рука ложится мне на лопатку. Жест временного опекуна, но меня все равно бросает в жар.

– Всё в порядке? – спрашивает он. – Ты что-то побледнела.

– Всё хорошо, – выдавливаю я. – Просто устала в полёте и хочу домой.

Он кивает, не сводя с меня проницательного взгляда. Я молчу о том, что увидела. Наверняка ему будет неприятно услышать, что бывший его жены торчит в аэропорту. Да и что я скажу?

«Слушай, Кам, представляешь я только что встретила того странного парня, с которым твоя жена целовалась до свадьбы!».

Это прозвучит как попытка подрыва репутации сестры.

Мы садимся в такси. Камиль называет адрес моего дома, и машина плавно трогается с места.

Город встречает нас серым небом и влажным, тяжёлым воздухом. Прохладно, совсем не по-летнему. Где-то на горизонте сгущаются тучи. Я смотрю в окно, пытаюсь отогнать тревожные мысли, но лицо того бандита стоит перед глазами.

Как Диляра могла крутить любовь с таким опасным типом? Она что, реально собиралась за него замуж? Любила его? Хорошо хоть ее отец вовремя вмешался.

Добираемся до моего района – тихая окраина, старые улочки, зелень. Но когда такси сворачивает к нашему дому, вижу неладное. Вокруг участка стоит вода. Мутная, серая, она заполнила лужайку, подступила к крыльцу. Канава рядом с домом превратилась в бурлящий ручей. На крыльце суетится пожилая женщина в резиновых сапогах – тётя Адель. Она боится летать и осталась на хозяйстве.

Выхожу из машины. Ноги в туфлях тут же промокают.

– Тётя Адель! Что здесь случилось?

Она оборачивается, всплёскивает руками. Лицо у неё испуганное и расстроенное, волосы выбились из-под платка.

– Саятка, дочка, ну такое горе с твоим мужем! А у нас тут паводки, понимаешь. Речка рядом вышла из берегов после проливных дождей, вода в подвал набралась, первый этаж затопило почти по колено. Мы с соседями откачивали, чем могли, но сырость теперь – жуть. Тут жить нельзя, пока не просохнет всё. Запах сырости, того и гляди, плесень пойдёт. Отец твой звонил, я ему сказала. Он велел, чтобы ты к брату его пока поехала, но они же в Турции... что делать-то теперь?

Стою по щиколотку в воде и чувствую, как внутри всё обрывается. Конечно, это происходит именно сейчас, когда я меньше всего готова к таким сюрпризам. Мой дом затоплен, а муж умер.

Смотрю на мутную воду, на плавающие в ней листья и мусор, и чувствую, как слёзы подступают к глазам. Мне некуда идти. Мама с папой в Турции, подругам звонить – стыдно, да и не хочется никому рассказывать про этот кошмар с Динаром. Про отель и думать нечего – одинокая женщина не может поселиться в нем. Это небезопасно, и отец никогда не позволит.

– Сая.

Голос Камиля звучит за моей спиной спокойно и твёрдо. Я оборачиваюсь. Он стоит на сухом месте, у выхода с дорожки,

и смотрит на меня с лёгким сочувствием. В руке он держит мой чемодан, который так и не дал мне взять.

– Воды много. Жить здесь пока действительно невозможно, – он окидывает взглядом затопленный участок, оценивая масштаб бедствия. – Но у моих родителей дом стоит на возвышенности. Он точно не пострадал. Там сухо, тепло, и рядом ни одной реки. Можешь пожить там, пока дом не приведут в порядок.

Смотрю на него, и в голове проносится сотня мыслей. Предложение звучит логично. Настолько логично, что отказаться – значит обречь себя на мытарства. Но согласиться... – значит поселиться в доме его семьи, на глазах у Камилы. Оказаться на его территории 24/7. И это пугает меня не меньше, чем потоп.

С надеждой смотрю на тетю Адель, но она кивает, мол, соглашайся, ты чего?

Вода под ногами прибывает, туфли промокли насквозь, и я чувствую, как холод пробирается до костей.

Выбора нет.

– Хорошо, – говорю тихо, опуская взгляд. – Спасибо тебе, Камиль.

Глава 7

Мы подъезжаем к кованым воротам, и я впервые вижу дом Ямадаевых так близко. Он высится над городом, словно неприступная крепость. Старый особняк, сложенный из светлого, почти золотистого камня, утопает в зелени вековых дубов и аккуратно подстриженных туй.

Дорожка вымощена брусчаткой, местами потемневшей от времени и влаги, у крыльца стоят глиняные горшки с яркими цветами – петуниями и розами. Всё здесь дышит спокойствием, достатком и старомодной элегантностью, которая не кричит о богатстве, но чувствуется в каждой детали.

Пока я выхожу из машины, голова идёт кругом. Вдруг нога скользит на влажной после дождя брусчатке, и я теряю равновесие. Сердце ухает вниз, но в тот же миг сильные руки подхватывают меня за талию, не давая упасть.

Камиль. Он рядом, быстрый, как хищник, и напряжённый. Я оказываюсь прижатой к его мощной груди, и чувствую, как под тканью его пиджака перекачиваются литые мышцы.

Поднимаю глаза. Наши взгляды встречаются.

На секунду. На какую-то долгую, бесконечную секунду мне кажется, что между нами проскакивает искра.

Настоящая. Ощутимая.

Словно электрический разряд прошёл от его пальцев пря-

мо в мою кровь. Сердце пропускает удар, а потом начинает биться так, что заглушает шум ветра.

Но тут же резко одёргиваю себя.

Нет. Стоп. Прекрати.

Это муж сестры. И я не имею права смотреть на него так. Не имею права чувствовать то, что чувствую в его присутствии. Это предательство – думать об этом, подмечать детали, фантазировать о том, чего нет. Это самое настоящее предательство, это даже хуже, чем перепутанная постель.

Высвобождаюсь из сильных рук Камиля, делаю шаг назад и отвожу глаза. Щёки горят, и я надеюсь, что он спишет это на смущение от того, что мне приходится жить в чужом доме.

– Осторожнее, – говорит Камиль с лёгкой хрипотцой в голосе. – Здесь скользко. Дай мне руку.

Я не даю. Вместо этого быстро шагаю к крыльцу, делая вид, что рассматриваю фасад, лишь бы оказаться от него как можно дальше.

Дверь открывается прежде, чем мы успеваем постучать. На пороге стоит женщина. Высокая, статная, с благородной осанкой и живыми, умными глазами. Ей около семидесяти, но выглядит она хорошо. Райсат Амировна радостно смотрит на Камиля, а потом на меня – с любопытством и лёгким удивлением.

– Камиль? Ты кого это к нам привёл? – в голосе её чувствуется твёрдость. Это мать, которая привыкла держать всё под контролем, но при этом умеет любить.

– Мама, ты что, не узнаешь Саю? – отвечает Камиль. – Это же сестра Дияры. У неё дома потоп, вода стоит. Я предложил пожить у нас, пока жилье не приведут в порядок.

Мать на мгновение замирает, вглядываясь в моё лицо. И вдруг её строгое выражение смягчается. Она узнаёт меня. Улыбка озаряет её лицо, делая её моложе и добрее.

– Ах, Саюшка... Саят, – она протягивает руки и берёт мои ладони в свои. – Здравствуй, девочка. Конечно, проходи. Будь как дома. Как же ты похорошела... Как твоё здоровье?

Её голос звучит тепло, искренне, и у меня сжимается горло. Я не ожидала такого радушного приёма. Думала, меня встретят холодно или настороженно. Но эта женщина смотрит на меня с почти материнской нежностью.

– Здравствуйте, Райсат Амировна, – выдавливаю я, стараясь улыбнуться. – Спасибо большое, я в порядке... Простите за беспокойство, я не планировала оказаться у вас в гостях. Мы только что прилетели из Турции.

– Что ты, – машет она рукой. – Какое ещё беспокойство? Мы же одна семья! Проходи, я покажу тебе комнату.

Из соседней комнаты выходит мужчина. Чуть ниже Камиля, коренастый, с седой бородой и пронзительным взглядом. На нём домашний жилет, надетый поверх светлой рубашки.

– Отец, помнишь Саю? – говорит Камиль. – Она поживёт у нас несколько дней.

На суровом лице Аслана Нурбековича появляется подо-

бие улыбки.

– Саят. Помню, как же, – кивает он. – Ты маленькая была, с двумя черными косичками, когда я приходил к отцу твоему, Аскеру. Всё за Дилярой бегала, как хвостик. Добро пожаловать. Чувствуй себя как дома. У нас порядок и тишина. Надеюсь, тебе здесь будет спокойно.

Киваю, чувствуя, как от его слов на душе становится чуть легче. Но краем глаза замечаю, как Камиль стоит в стороне и наблюдает за мной. Его взгляд, спокойный и немигающий, словно говорит: «Добро пожаловать в мою крепость, Сая. Здесь ты от меня не спрячешься».

И снова чувствую липкую тревогу, смешанную с чем-то запретным.

Я не должна больше думать об этом! Не должна!

Тихо спускаюсь по лестнице, чтобы попросить стакан воды. В доме стоит тишина, но чем ближе я подхожу к кухне, тем отчётливее слышу голоса.

Родители Кама о чем-то приглушенно спорят. Я замираю у поворота, не в силах сделать шаг ни вперед, ни назад. Подслушивать нехорошо, но кажется там звучит моё имя.

– Надо было эту сестру брать! – голос Райсат Амировны звучит настойчиво и требовательно. – Я тебе всегда говорила, Аслан, что Диляра – это ошибка. А Саюшка... она же милая, скромная, цветущая девочка. Посмотри на неё – гла-

за чистые, улыбка добрая. Не то что наша невестка! Высокомерная, холодная, вечно нос воротит! С ней Камиль мучается, а не живёт!

Зажимаю рот рукой. Сердце колотится где-то в горле. Я думала, что Райсат без ума от Диляры. Во всяком случае на свадьбе она вела себя, как идеальная свекровь.

– Ты что, мать, белены объелась? – голос Аслана Нурбековича звучит глухо. Представляю, как он сидит за столом, нахмутив седые брови, и смотрит на жену с укором. – Она же больная! Ты забыла? Зачем нам выбирать нездоровую невестку, когда можно выбрать здоровую? Думай, что говоришь!

– Где это она больная? – в голосе Райсат звучит искреннее недоумение. – Я же видела её, говорила с ней. Она спокойная, воспитанная, не истерит. Такие девочки в любой семье – украшение. Не то что Диляра, которая смотрит на всех свысока, будто мы ей не ровня. Я не понимаю, как ты этого не видишь, Аслан!

– Меня устраивает Диляра как невестка, – отрезает Аслан Нурбекович. – Она жена моего сына и мать моих будущих внуков. И точка. Прекрати эти разговоры немедленно. Угомонись, мать.

– Хорошо, как скажешь. Молчу, – ворчит Райсат Амировна с обидой в голосе.

Я стою, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Они обсуждали меня как потенциальную невесту для Камиля. Райсат

хотела видеть меня своей невесткой вместо Диляры?!

От этой мысли всё переворачивается внутри. Но ведь я не подхожу такому мужчине, как Камиль, я ему не пара! Для Аслана Нурбековича это очевидно.

Позади слышатся шаги, тяжёлые и уверенные. Я понимаю, что это Камиль, и делаю шаг назад, но поздно. Он выходит из гостиной и видит меня, стоящую в коридоре, прижавшуюся к стене. Его взгляд на мгновение задерживается на мне, но он ничего не говорит. Только проходит мимо на кухню, и я слышу его голос:

– Мама, отец. Я прошу вас обоих: не спрашивайте у Саи ничего про свадьбу. И про её мужа. Ничего. Ей и так тяжело. Пусть отдохнёт.

На кухне повисает тишина. Потом раздаётся голос Райсат Амировны, полный искреннего сочувствия:

– Конечно, сынок. Мы всё понимаем. Бедная девочка... один раз замужем побыла – и такое горе. Никому такого не пожелаешь. – Она вздыхает. – Не беспокойся, я лично прослежу, чтобы ей было комфортно. Пусть живёт у нас, сколько нужно. Как за родную позабочусь.

– И, пожалуйста, – добавляет Кам, – больше никаких обсуждений, вас на весь дом слышно.

Как неловко вышло!

Меня как будто навязывает Ямадаеву в жены, а ему неприятно. Еще бы! Никому не хочется больную невесту, правильно свекор Диляры сказал. Вот погощу немного и уеду в свой

дом.

А сегодня просто лягу спать и не буду думать о словах Райсат. Но даже не верится, что она такого хорошего мнения обо мне. Я – милая и цветущая девочка, надо же!

Глава 8

Вчерашний вечер прошел в напряженном спокойствии – мы ужинали все вместе, говорили о пустяках, о Турции, о погоде. И ни слова о том, что я слышала за дверью. Ни слова о Диляре, как будто отсутствие невестки вовсе не беспокоило Ямадаевых.

Я сидела за столом, чувствуя на себе взгляд Камиля – короткий, но обжигающий всякий раз, когда я поднимала глаза. В полумраке столовой его лицо казалось высеченным из камня. Красивым. Чужим. Опасным.

Я почти не притронулась к еде, хотя Райсат Амировна всё подкладывала мне то плов, то салат, то лепёшки – и причитала, что я худая, что меня надо откармливать.

Утром спускаюсь вниз, надеясь, что кофе поможет привести мысли в порядок. Но на кухне уже слышны голоса. Замираю на пороге, увидев, что Аслан Нурбекович и Райсат Амировна одеты по-дорожному. У двери стоят две небольшие сумки, явно собранные ещё с вечера.

– Доброе утро, Саюшка, – первой замечает меня Райсат. Она улыбается. – Проходи, садись. Мы как раз хотели тебе сказать...

В груди что-то сжимается, и я инстинктивно перевожу взгляд на Камиля – он стоит у окна и пьёт чёрный кофе. На нём белая льняная рубашка с закатанными рукавами, и при

виде его предплечий у меня пересыхает в горле. Он смотрит на меня спокойно, но в глубине его глаз я читаю то, от чего нервно облизываю губы.

– Мы уезжаем к старшему сыну, поездка была запланирована еще на прошлой неделе, – говорит Аслан Нурбекович. – Соскучились по внукам. Переночуем там, завтра к обеду вернёмся.

У меня сердце падает куда-то в живот. Надеюсь, Кам тоже с ними едет?

– Как... уезжаете? – чувствую, как краска заливает лицо. – На ночь? То есть... я останусь здесь одна?

– Ну почему же одна? – Райсат Амировна смотрит на меня с лёгким удивлением, и уголки её губ дёргаются. – Камиль остаётся с тобой.

Смотрю на неё, не веря своим ушам. Сердце колотится где-то в горле, мешая дышать.

– Ох, нет! – восклицаю я. – Нет-нет, я не могу! Это неприлично. Я лучше поеду домой. Правда, не хочу вас стеснять. Я лучше спрошу у отца разрешения переночевать в гостинице, раз у нас такая ситуация безвыходная.

– Ну почему же безвыходная? – говорит Райсат. – Мы не отпустим тебя в гостиницу. У нас есть дом, и ты в нём гостя. Никто ничего плохого о тебе не подумает.

– Но... – перевожу взгляд на Камиля, ища в нём поддержки или хотя бы понимания. Но он молчит, только смотрит на меня с этим непроницаемым выражением лица, от которого

у меня всё переворачивается внутри. – Я не могу остаться с вашим сыном наедине. Это... неприемлемо.

Райсат Амировна подходит ко мне и берёт мои руки в свои. Её ладони тёплые и сухие, и она сжимает мои пальцы с материнской нежностью.

– Саюшка, – говорит она. – Ты же для нас не чужая. Теперь ты – часть нашей семьи. Никто и никогда не посмеет осудить тебя, слышишь? Мы – одна семья. И здесь ты под нашей защитой. А Камиль для тебя харам. Ты благочестивая девушка, и соблюдаешь наши законы.

«Харам». Слово обжигает меня изнутри. Тот, за кого нельзя выйти замуж. Тот, кто не может быть мужем. Всё так, но... В нашей традиции Камиль перестанет быть для меня запретным после смерти жены или развода с ней. Он станет халяль – дозволенным.

– Если я скажу, что ты мне как сестра, никто не посмеет в этом усомниться, – встречает Камиль. Его голос низкий и ровный, но я слышу в нём насмешку.

Поднимаю голову и тону в его взгляде. В его глазах нет ни тени родственного тепла. Только тьма. Только обещание.

И я понимаю: он лжёт. Он не считает меня сестрой. И никогда не считал.

Но выбора у меня нет.

– Оставайся, милая. Или нам придется отложить поездку.

– Хорошо, – выдавливаю я, чувствуя, как дрожат руки. Не люблю, когда-то кто-то из-за меня меняет свои планы. – Как

скажете. Не посмею вас послушаться.

Райсат чмокает меня в щёку и спешит к выходу, подхватив сумку. Аслан Нурбекович коротко кивает мне и идёт за ней, бросив на прощание:

– Ключи у Камиля. В холодильнике еды на неделю. Чувствуйте себя свободно.

Дверь захлопывается. И я остаюсь с ним наедине.

Весь день шарахаюсь от Кама как от огня.

Если он в гостиной – я бегу в свою комнату, притворяясь, что мне нужно разобрать вещи.

Если он на кухне – делаю вид, что не голодна, хотя желудок сводит от голода. Я хожу по дому на цыпочках, стараясь не издавать лишнего звука, но он всё равно находит меня.

Заходит в библиотеку, где я прячусь за книгами, и молча ставит передо мной чашку чая.

Проходит мимо моей комнаты, когда я выглядываю в коридор – и я вскрикиваю и захлопываю дверь.

Он стучит, чтобы сказать, что ужин на столе – а я кричу в ответ, что не голодна, хотя живот урчит так, что слышно, наверное, в соседней комнате.

Я чувствую себя загнанной в угол. В этом доме слишком много комнат, но мне нигде от него спрятаться.

Хотя Кам не делает ничего неподобающего. Не прикасается. Не смотрит слишком откровенно. Но в каждом его жесте, в каждом коротком взгляде сквозит обещание: «Ты никуда не денешься. Я не тороплюсь. У меня есть время».

Вечером запираю дверь спальни на щеколду, и накидываю цепочку для верности. Долго стою, прислонившись спиной к дереву, и слушаю, как за стеной течёт вода. Камиль принимает душ.

Выключаю свет, но в темноте становится только страшнее. Каждый шорох заставляет меня вздрагивать. Я лежу, глядя в потолок, и слушаю, как колотится моё сердце.

«Я член семьи. Я в безопасности».

Я чуть ли не смеюсь вслух от этой иронии. Безопасности нет и никогда не было. Особенно рядом с ним.

Проходит час. Или два. Я уже начинаю проваливаться в тревожную дремоту, когда слышу шаги в коридоре. Тяжёлые. Уверенные. Мужские.

Замираю. Сердце пропускает удар.

Шаги приближаются. Останавливаются прямо у моей двери.

Я силюсь дышать тихо. Может, он пройдёт мимо. Может, это просто показалось. Может, он идёт в ванную. Или на кухню за водой.

Но тишина за дверью длится слишком долго. А потом я слышу, как щеколда с тихим звоном отодвигается. И цепочка – та, на которую я так надеялась – соскальзывает с такой лёгкостью, будто её и не было.

Дверь открывается.

В проёме стоит Камиль.

Он в домашних брюках и белой майке, облегающей широ-

кие плечи. Волосы влажные, взлохмаченные, с них ещё капает вода – капли стекают по шее, по ключицам, теряются в вырезе майки.

В полумраке комнаты он кажется огромным – тёмным силуэтом, заполнившим собой весь дверной проём. От него исходит запах геля для душа – свежий, терпкий, с нотками древесины и чего-то пряного.

Сажусь на кровати, прижимая одеяло к груди, и смотрю на него. В горле пересохло, слова застревают где-то в груди.
– Камиль... что ты здесь делаешь? – шепчу я.

Он не спешит отвечать. Смотрит на меня долгим, невыносимым взглядом, от которого у меня по коже бегут мурашки. И в этом взгляде больше нет ничего братского. Ничего безопасного.

– Я знаю, что ты слышала вчера, – говорит он тихо. Голос низкий, чуть хриплый, и от этого звука у меня перехватывает дыхание. – Разговор родителей.

Молчу. Язык прилипает к нёбу.

Он делает шаг в комнату. Медленный. Уверенный. И закрывает за собой дверь.

Звук щелчка замка отдаётся у меня где-то в позвоночнике.

– Я действительно выбирал между тобой и твоей сестрой. Выбирал, на ком из вас жениться.

Мне никто не сказал, что Камиль Ямадаев рассматривал мою кандидатуру себе в жены. А если ты рассказал – я бы

не поверила!

– Ты дрожишь, – говорит он, и в его голосе чувствуется то ли насмешка, то ли предвкушение. – Сая, я тебя пугаю?

Моё имя в его устах звучит необычно и непривычно.

– Камиль, не надо, – шепчу я, и мой голос ломается. – Пожалуйста. Я же тебе теперь как сестра. Ты сам сказал...

– Я соврал, – перебивает он, и в голосе его звучит усмешка. – Я сказал это, чтобы мать уехала. Чтобы мы остались одни.

Он подходит ближе, и я чувствую жар его тела.

– Эту ночь, – произносит он четко. – Я намерен провести её с тобой, Сая.

– Нет, уходи! Нам нельзя! – прижимаю к себе одеяло, натягивая его до горла. Мои длинные волосы свободно лежат на плечах, и Кам второй раз в жизни видит их. Первый – в ту ночь, когда внезапно дали свет.

– Не уйду. Потому что вижу, как ты реагируешь на меня. Ты же сама этого хочешь, хоть и пытаешься притворяться.

– Думаешь, если я теперь вдова, но могу вести как шлюха, спать с мужем сестры?! – смотрю на него с вызовом, губы дрожат от обиды. За кого он меня принимает?

– Оставь эти предрассудки. Ты можешь делать всё, что захочешь.

– А ты уверен, что я этого хочу?

– Хочешь меня? Конечно же, да.

Какого же он о себе исключительного мнения!

– Уйди прочь, нахал! Я всё расскажу сестре!

– Не расскажешь. Теперь мы с тобой одной тайной связаны. Подвинься, я хочу лечь.

И он внаглую заваливается ко мне в постель!

Я дергаюсь, чтобы вскочить, но Кам молниеносно хватается за талию и укладывает под себя.

Дыхание сбивается, я лежу под тяжестью его тела и колочу по его мощной груди, но ему всё равно. Его губы находят мои и накрывают их горячим и влажным поцелуем.

Я понимаю, что этот бессовестный человек во что бы то ни стало возьмёт своё, и клянусь себя за то, что угодила в эту ловушку.

Его ладонь ныряет под ночную рубашку и касается моего белья.

– Сама судьба толкает нас в объятия друг друга, – шепчет он хрипло, надавливая на чувствительное место пальцами, и я задыхаюсь.

Нельзя. Не верю. Не могу... Предательство, разврат, смерть!

Я слишком хорошо воспитана, чтобы позволить ему делать со мной эти грязные вещи. В голове звучит голос матери: «Саят, ты должна беречь честь. Ты должна быть достойной женой. Ты должна помнить, кто ты и откуда». Но этот голос с каждой секундой становится всё тише, заглушаемый гулом крови в ушах и жаром его ладони.

Меня словно заколдовали джинны – я больше не сопро-

тивляюсь. Я слушаю и внимаю каждому его слову, как глупая девчонка, жаждущая, чтобы ее полюбил хоть кто-нибудь.

Диляра говорит, что я не создана для отношений с мужчинами, мой удел мечтать о Каме и ему подобных. Скользкие равнодушные красавцы, которые променяют меня на первую же юбку. Она смеялась надо мной, когда я призналась, что ни разу не целовалась. «Ты слишком правильная, Саят. Слишком чистая. Мужчины любят погорячее, а ты остынешь раньше, чем до тебя дотронутся».

Но Камиль ворвался в мою постель, не ошибся, не перепутал, а пришел сюда намерено, чтобы сказать, что хочет меня. Значит, она просто дразнила меня? Значит, я всё-таки могу быть желанной?

Камиль убирает руку, и я выдыхаю, но облегчение длится лишь мгновение. Он берёт моё лицо в ладони, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза. В полумраке его зрачки расширены, почти поглотили радужку, и я тону в этой черноте, теряя себя.

– Я хочу тебя снова, Сая. Ты такая нежная и горячая девочка. Подари мне эту ночь, полную взаимного удовольствия. И я клянусь, что она станет самой чувственной и бесконечной в твоей жизни. А утром ты проснешься с благодарностью за те крутые вещи, которые я для тебя открою...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.